

Айзек Азимов
Давайте объединимся
Серия «Рассказы о роботах»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=157956

Мечты роботов: Эксмо; 2004

ISBN 5-699-00842-X

Оригинал: Isaac Asimov, "Let's Get Together"

Перевод:

Надежда Андреевна Сосновская

Аннотация

В америке чрезвычайная ситуация. Оказывается, что Россия уже давно обогнала их на несколько лет в развитии роботехники и уже смогла создать несколько роботов андроидного типа. Эти роботы уже пересекли границу с Америкой и готовятся нанести удар, который покончит с многовековым противостоянием...

Айзек Азимов

Давайте объединимся

Мир и покои длились целое столетие, и люди забыли, что жизнь бывает и другой. Вряд ли они знали бы, как реагировать, если бы вдруг обнаружили, что началась война.

Конечно, и Элиас Линн; глава Бюро Роботехники, не знал наверняка, как реагировать, когда ему наконец стало об этом известно. Штаб-квартира Бюро Роботехники находилась в Шайенне, в соответствии со столетней традицией децентрализации, и Линн подозрительно уставился на молодого офицера службы безопасности из Вашингтона, который привез эту новость.

Элиас Линн был крупный мужчина, привлекательно некрасивый, со светло-голубыми глазами слегка навыкате. Обычно людям становилось неуютно под пристальным взглядом его глаз, но офицер безопасности оставался спокойным.

Линн решил, что его первой реакцией должно быть недоверие. Черт возьми, да ведь он действительно не поверил этому!

Он откинулся на спинку кресла и спросил:

– Насколько надежны эти сведения?

Офицер безопасности, представившийся как Ральф Дж. Брекенридж и предъявивший соответствующее удостоверение

ние личности, был совсем юн; с полными губами пухлыми щеками, которые часто заливала краска, и простодушным взглядом. Его одежда не соответствовала погоде в Шайенне, но очевидно была уместной в оборудованных кондиционерами помещениях в Вашингтоне, где, несмотря ни на что, до сих пор размещалась служба безопасности.

Брекенридж густо покраснел и ответил:

– В этом нет никаких сомнений.

– Уж вам-то, я полагаю, известно о Них все, – сказал Линн, не скрывая сарказма. Он не отдавал себе отчета в том, что, называя врага, невольно делает легкое логическое ударение: если бы он писал, слово «они» было бы написано с большой буквы. Эта привычка была характерна для людей его поколения, да и предыдущего тоже. Никто не говорил «восток», или «красные», или «Советы», или «русские». Это было бы неточно, так как некоторые из Них не жили на Востоке, не были красными, советскими, тем более не были русскими. Так что было намного проще говорить «Мы» и «Они», и намного точнее.

Путешественники нередко рассказывали, что Они используют те же термины, только наоборот. Там «Они» были «Мы», а «Мы» – «Они».

Едва ли кто-нибудь еще задумывался над подобными вещами. Они стали вполне привычными. Не было даже ненависти. Сначала это называлось холодной войной. Теперь стало просто игрой, почти доброжелательной, с неписаными пра-

вилами и своего рода уважением к приличиям.

Линн спросил резко:

– С чего это Им вдруг захотелось нарушить патовую ситуацию?

Он поднялся и начал разглядывать висевшую на стене карту мира, разделенного на два региона легкими цветовыми границам. Неправильной формы территория слева была отмечена светло-зеленой краской. Меньшая, но столь же причудливой формы территория справа – розовой. Мы и Они.

За сто лет на карте не произошло существенных изменений. Потеря Формозы и обретение Восточной Германии лет восемьдесят тому назад были последними важными территориальными изменениями.

Имелось, однако, другое изменение, достаточно существенное: оно касалось окраски. Два поколения назад Их территория была мрачного кроваво-красного цвета, Наша – чисто, незапятнанно белой. Теперь цвета стали более нейтральными, Линн видел Их карты, точно такие же.

– Они бы этого не сделали, – сказал Линн.

– Они делают это в данную минуту, – ответил Брекенридж, – и вам бы стоило привыкнуть к этой мысли. Конечно, сэр, я понимаю, не слишком приятно думать, что Они могут оказаться намного впереди Нас в Роботехнике.

Глаза его по-прежнему смотрели простодушно, но слова были настолько колкими, что Линн поежился.

Конечно, это объясняло, почему человек, возглавляющий

всю отрасль Роботехники, узнал о случившемся так поздно и таким образом – через офицера безопасности: он потерял доверие правительства, и если действительно его роботы проиграют в борьбе, ему нечего рассчитывать на политическое милосердие.

Линн произнес устало:

– Даже если то, что вы сказали, правда, Они не сильно опередили Нас. Мы могли бы создать гуманоидных роботов.

– Это правда, сэр?

– Да, В сущности, несколько экспериментальных моделей уже готовы.

– Они делали это десять лет назад, следовательно, опережают Нас на десять лет.

Линн смутился, Может быть, его недоверчивость в отношении всей этой истории на самом деле порождена уязвленным самолюбием и страхом потерять работу и доброе имя. Мысль, что так могло быть, привела его в замешательство, и он начал защищаться.

– Послушайте, молодой человек, паритет между Ними и Нами, как вы знаете, никогда не был полным во всех отношениях. Всегда Они оказывались впереди в каких-то областях, а Мы – в других. Если сегодня Они опередили Нас в Роботехнике, то только потому, что Они вложили в Роботехнику больше усилий, чем Мы. А это означает, что в какие-то другие отрасли Мы вложили больше усилий, чем Они. И, следовательно, опережаем Их в исследовании силовых полей или,

может быть, в гиператомной технике.

Собственные слова о том, что паритет не полный, огорчили Линна. Это была правда, но миру угрожала большая опасность. Мир зависел от того, насколько полным является равновесие сил. Если какое-либо из всегда существовавших различий склонит чашу весов слишком сильно в одну сторону...

В самом начале холодной войны соревнование между сторонами шло в создании термоядерного оружия, что сделало войну невыносимой. Соревнование переключилось с военной области на экономику и психологию и теперь шло, главным образом, в этих сферах.

Но обе стороны постоянно предпринимали попытки разрушить равновесие: создать систему защиты, которая могла бы отразить любой удар, создать такое оружие, удар которого нельзя было бы парировать своевременно, – создать что-нибудь, что снова сделало бы войну возможной. И совсем не потому, что какая-то из сторон отчаянно хотела войны, а из боязни, что противоположная сторона сделает решающее открытие первой.

В течение ста лет счет в игре был равным. И за это столетие, пока сохранялся мир, в результате интенсивных исследований были созданы силовые поля, освоено использование солнечной энергии, люди взяли под контроль насекомых и сконструировали роботов. Обе стороны начали развивать новую науку – менталистику. Такое название было да-

но биохимии и биофизике мысли. У каждой стороны были аванпосты на Луне и на Марсе. Человечество делало гигантские шаги вперед в результате навязанного двумя лагерями друг другу соревнования.

Для обеих сторон стало необходимым быть порядочными и гуманными, чтобы жестокость и тирания не побудили союзников перейти на другую сторону.

Невозможно, чтобы теперь паритет был нарушен и началась война.

Линн сказал:

– Я хотел бы посоветоваться с одним из моих сотрудников. Мне нужно узнать его мнение.

– Он заслуживает доверия?

Линн ответил с отвращением:

– О господи, есть ли среди занимающихся Роботехникой хоть кто-нибудь, кого бы ваше ведомство не проверяло до изнеможения? Да, я ручаюсь за него. Если нельзя доверять Хэмфри Карлу Ласло, значит, у нас нет способа отразить атаку, которую, по вашим словам, Они предприняли, что бы Мы ни делали.

– Я слышал о Ласло, – сказал Брекенридж.

– Хорошо. Он подходит?

– Да.

– Тогда я позову его; и мы выясним, насколько, с его точки зрения, возможно вторжение роботов в США.

– Не совсем так, – мягко возразил Брекенридж, – Вы ни-

как не поймете истинное положение вещей. Выясните его точку зрения на то, что роботы уже вторглись в США.

Ласло был внуком венгра, который когда-то прорвался через так называемый железный занавес, и по этой причине на него не распространялись никакие подозрения. Это был худой, начинающий лысеть человек, с курносом носом и постоянно задиристым выражением лица, что противоречило его мягкой манере говорить и чистейшему гарвардскому произношению.

Для Линна, который сознавал, что после стольких лет административной работы он уже не может точно оценить, на какой стадии развития находится Роботехника, Ласло был удобным хранителем полного знания. Линн почувствовал себя лучше просто от присутствия этого человека.

– Что вы об этом думаете? – спросил Линн.

Мрачная гримаса исказила лицо Ласло.

– Просто невероятно, что Они настолько опередили Нас. Не может быть, чтобы Они создали гуманоидов, практически неотличимых от людей. Это было бы важнейшим достижением в робоменталистике.

– Вы вносите в этот вопрос слишком личное отношение, – холодно произнес Брекенридж. – Отбросьте профессиональное самолюбие и скажите, почему вы считаете, что Они не могли опередить Нас?

Ласло пожал плечами:

– Уверяю вас, я достаточно хорошо знаком с Их литературой по Роботехнике. Я примерно знаю, на каком уровне Они находятся.

– Вы знаете лишь то, что Они хотят, чтобы вы знали об их уровне, – вот реальный смысл ваших слов, – поправил Брекенридж. – Вы когда-нибудь посещали те страны?

– Нет, – ответил Ласло коротко.

– А вы, доктор Линн?

– Я тоже нет.

Брекенридж спросил:

– Кто-нибудь из Роботехников бывал там за последние двадцать пять лет? – судя по тону, которым Брекенридж задал вопрос, ответ был ему известен.

В течение нескольких секунд в комнате царил тяжелое молчание.

Лицо Ласло выразило беспокойность.

– В сущности, Они давно уже не проводили никаких конференций по Роботехнике.

– Двадцать пять лет, – сказал Брекенридж. – Разве это не показательно?

– Может быть, – неохотно согласился Ласло. – Однако меня беспокоит кое-что еще. От Них никто не приезжал на Наши конференции по Роботехнике – по крайней мере, насколько я помню.

– Их приглашали? – спросил Брекенридж.

Линн, напряженный и обеспокоенный, немедленно от-

кликнулся:

– Конечно.

Брекенридж поинтересовался:

– А Они отказывались присутствовать на каких-нибудь других конференциях, которые Мы проводили?

– Не знаю, – сказал Ласло. Теперь он мерил шагами кабинета. – Я о таких случаях никогда не слышал. А вы, шеф?

– Никогда, – ответил Линн.

Брекенридж спросил:

– Не кажется ли вам, что Они не хотели попадать в ситуацию, когда были бы вынуждены послать ответное приглашение? Или Они боялись, что кто-то из Их людей скажет лишнее?

Похоже, именно так и обстояло дело, и Линна охватила горькая уверенность в правоте службы безопасности.

По какой другой причине могли отсутствовать всякие контакты между сторонами в области Роботехники? Перекрестно опыляющие друг друга потоки исследователей двигались в обоих направлениях по строгой квоте – один к одному, соблюдавшейся со времен Эйзенхауэра и Хрущева. Существовало великое множество побудительных причин для такого обмена: честное признание наднационального характера науки, импульсы дружелюбия, которые трудно полностью уничтожить в каждой отдельно взятой личности, желание узнать свежую и интересную точку зрения и увидеть, как твою слегка заплесневевшую мысль приветствуют как све-

жую и оригинальную.

Сами правительства заботились о том, чтобы обмен продолжался. Всегда присутствовало очевидное соображение, что, узнавая как можно больше и рассказывая как можно меньше, ваша собственная сторона выигрывает от такого обмена.

Но не в случае с Роботехникой. Для полного осознания ситуации не хватало сущего пустяка, – к тому же, пустяка, давно им известного. В голову Линну пришла мрачная мысль: «Мы проиграли из-за собственного благодушия».

Из-за того, что другая сторона как будто ничего в Роботехнике не предпринимала, возник соблазн самодовольно расслабиться в приятном сознании собственного превосходства. Почему не возникла мысль о возможности, даже вероятности того, что Они просто прячут до поры до времени выигрышные карты, козырную масть?

Ласло произнес потрясенно:

– Что же нам делать? – очевидно, его мысль шла тем же путем и привела его к такому же печальному выводу.

– Делать? – передразнил его Линн. Думать сейчас о чем-либо; кроме того ужаса, который пришел вместе с осознанием ситуации, было невозможно, В Соединенных Штатах находились десять человекоподобных роботов, каждый из которых был носителем бомбы ТП.

ТП! Этим закончилась кошмарная гонка в создании абсолютного оружия. ТП! Тотальное Превращение! Энергия

Солнца больше не могла служить единицей измерения. По сравнению с ТП Солнце показалось бы грошовой свечой.

Десять гуманоидных роботов, абсолютно безвредных по отдельности, могли, просто собравшись вместе, создать массу, превосходящую критическую, и тогда...

Линн тяжело поднялся. Темные мешки под глазами, придававшие его лицу выражение безутешного пессимизма, были заметнее, чем обычно.

– Нам предстоит выработать пути и средства отличить гуманоидных роботов от людей, а потом разыскать их.

– Как быстро? – пробормотал Ласло.

– Не меньше чем за пять минут до того, как они объединятся, – огрызнулся Линн, – а когда это будет, я не знаю.

Брекенридж кивнул.

– Я рад, что вы с нами, сэр. Видите ли, я должен доставить вас в Вашингтон на совещание.

Линн поднял брови.

– Хорошо.

Он подумал, что, если бы ему понадобилось больше времени на осознание ситуации, его вполне бы могли сместить с поста и на совещании в Вашингтоне присутствовал бы уже другой глава Бюро по Роботехнике. И тут он от всей души пожелал, чтобы именно так и случилось.

На совещании присутствовали Первый помощник президента, секретарь по науке, секретарь по безопасности, Линн и Брекенридж. Впятером они сидели за столом в бункере

подземной крепости недалеко от Вашингтона.

Помощник президента Джефрис был импозантен, сед, решителен, вдумчив, и политически ненавязчив, каким именно должен быть помощник президента.

Он произнес решительно:

– Перед нами три вопроса, насколько я понимаю. Во-первых, когда соберутся гуманоидные роботы; во-вторых, где они соберутся; и в-третьих, как мы можем остановить их прежде, чем они соберутся?

Секретарь по науке Эмберли судорожно кивал. До того, как его назначили на эту должность, он занимал пост декана в Северо-западном Инженерном университете. Он был худ, с резкими чертами лица и явно не в своей тарелке. Указательным пальцем он чертил на столе круги.

– Что касается вопроса, когда они соберутся, – сказал он, – я полагаю, ясно, что в ближайшее время этого не произойдет.

– Почему вы так думаете? – спросил Линн резко.

– Они в Соединенных Штатах уже по крайней мере месяц, как утверждает безопасность.

Линн автоматически обернулся, чтобы взглянуть на Брекенриджа. Секретарь по безопасности Макалистер перехватил его взгляд и сказал:

– Эта информация достоверна. Кажущаяся молодость Брекенриджа многих вводит в заблуждение, доктор Линн. Отчасти за это мы его и ценим. На самом деле ему тридцать

четыре года, и он работает в нашем департаменте уже десять лет. Он жил в Москве почти год, и без него мы просто ничего не узнали бы об этой страшной опасности. Как бы то ни было, большая часть деталей нам известна.

– Не самые существенные детали, – заметил Линн.

Макалистер сдержанно улыбнулся. Публике были хорошо знакомы его тяжелый подбородок и близко посаженные глаза, но больше никто ничего о нем не знал. Он сказал:

– Человеческие возможности ограничены, доктор Линн. Агент Брекенридж сделал великое дело.

Помощник президента Джефрис вмешался:

– Давайте считать, что какое-то время у нас есть. Если бы роботы получили приказ действовать немедленно, все произошло бы еще до нашей встречи. Видимо, они дожидаются определенного момента. Если бы мы знали место, может быть, этот момент стал бы очевиден.

Если Они хотят использовать бомбу ТП, то Их цель – нанести Нам как можно больший ущерб, а тогда, по-видимому, местом сбора назначен один из крупных городов. В любом случае столица, политическая или экономическая, – единственная мишень, достойная бомбы ТП. Я думаю, существуют четыре возможности: Вашингтон как административный центр; Нью-Йорк как финансовый центр; Детройт и Питсбург, два главных промышленных центра.

Макалистер сказал:

– Я голосую за Нью-Йорк, Администрация и промышлен-

ность рассредоточены до такой степени, что уничтожение любого одного города не предотвратит мгновенное возмездие.

– Тогда почему Нью-Йорк? – спросил Эмберли, секретарь по науке, может быть, более резко, чем намеревался, – финансы тоже децентрализованы.

– Вопрос морального воздействия. Может быть, Они намерены уничтожить Нашу волю к сопротивлению, заставить сдаться на милость победителя, используя ужас, вызванный первым ударом. Наибольшее число человеческих жизней можно уничтожить в нью-йоркском мегаполисе.

– Довольно хладнокровная оценка, – пробормотал Линн.

– Согласен, – отозвался Макалистер, – но Они способны на это, если надеются победить одним ударом. Могли бы мы...

Помощник президента Джефрис откинул назад свои седые волосы.

– Предположим худшее. Будем считать, что Нью-Йорк будет уничтожен в течение этой зимы, скорее всего, сразу после сильного бурана, когда дороги в наихудшем состоянии, а уничтожение системы жизнеобеспечения и запасов продовольствия приведет к самым серьезным последствиям, Как нам их остановить?

Эмберли мог сказать только:

– Поиск десяти человек среди двухсот двадцати миллионов напоминает поиск очень маленькой иголки в очень боль-

шом стоге сена.

Джефрис покачал головой:

– Вы не правы. Десять гуманоидных роботов среди двухсот двадцати миллионов человек.

– Не вижу разницы, – сказал Эмберли. – Мы не знаем, можно ли отличить такого робота от человека по внешнему виду. Вероятно, нельзя. – Он посмотрел на Линна. И все посмотрели.

Линн произнес с трудом:

– Нам в Шайенне не удалось создать робота, которого бы при дневном свете можно было принять за человека.

– А Они смогли, – сказал Макалистер, – и не только физически. В этом мы уверены. Они продвинулись в менталистических разработках настолько, что могут скопировать микроэлектронные характеристики человека и наложить их на позитронные связи мозга робота.

Линн пристально посмотрел на него.

– Вы утверждаете, что Они могут создать точную копию человека, обладающую индивидуальностью и памятью?

– Именно.

– Конкретной человеческой личности?

– Совершенно верно.

– Вы утверждаете это на основании изысканий агента Бренкенриджа?

– Да. Имеющиеся данные невозможно оспаривать.

Линн опустил голову и на мгновение задумался. Потом

сказал:

– Тогда десять человек в Соединенных Штатах не люди, а их гуманоидные копии. Но Они в этом случае должны были иметь в своем распоряжении оригиналы. Роботы не могут обладать азиатской внешностью, в этом случае их слишком легко можно было бы распознать, так что скорее всего это восточноевропейцы. Но как они смогли проникнуть в нашу страну? В условиях, когда радарная сеть, контролирующая границы, и мухи не пропустит? Как Они могли забросить сюда кого-либо, человека или робота, так, чтобы Мы об этом не знали?

Макалистер ответил:

– Это могло быть сделано. Есть определенное количество людей, пересекающих границы на законном основании. Бизнесмены, летчики, даже туристы. За ними, конечно, наблюдают на обеих сторонах. И тем не менее десятерых из них можно было похитить и использовать как модели. Потом вместо них вернулись роботы. Так как мы не ожидали такой подмены, это могло сойти. Если похищенные были американцами, никаких сложностей с проникновением их в нашу страну не возникло. Все очень просто.

– И даже их друзья и семьи не заметили разницы?

– Это можно предположить. Поверьте мне, все это время мы проверяли любые сообщения, в которых говорилось бы о случаях внезапной потери памяти или подозрительных изменениях характера. Мы проверили тысячи людей.

Эмберли внимательно разглядывал кончики своих пальцев.

– Я полагаю, стандартные меры не сработают. Успешные действия могут исходить только от специалистов по Роботехнике, и я рассчитываю на директора Бюро.

И снова пристальные взгляды, полные ожидания, обратились к Линну.

Линн почувствовал прилив горечи. Ему казалось, что участники совещания пришли к тому, к чему они заранее намерены были прийти. Никто из них не сказал ничего нового, в этом он был уверен. Никто не внес ни одного предложения. Они провели совещание для протокола, поскольку всерьез боялись поражения и хотели свалить ответственность за него на кого-нибудь другого.

И все-таки в решении совещания была определенная справедливость. Именно в Роботехнике Мы отстали от Них. И Линн был не просто Линном. Он представлял Роботехнику и ответственность лежала на нем.

Поэтому он сказал:

– Я сделаю все, что смогу.

Он провел бессонную ночь и на следующее утро, когда он еще раз встретился с помощником президента Джефрисом, был измучен телом и душой. Брекенридж находился там же, и хотя Линн предпочел бы беседу с глазу на глаз, он понимал, что это справедливо. Очевидно, в результате своей успеш-

ной разведывательной работы Брекенридж приобрел высокое реноме у правительства. Ну, а почему бы и нет?

Линн сказал:

– Сэр, я не исключаю возможность, что мы напрасно бросились на подсунутую врагом приманку.

– В каком смысле?

– Я уверен, что как бы ни возрастала временами общественная нетерпимость, что бы ни находили иногда целесообразным говорить законодатели, правительство, в конце концов, понимает, что паритет выгоден. Они, должно быть, тоже это понимают. Десять роботов с одной бомбой ТП – это банальный способ нарушить равновесие.

– Уничтожение пятнадцати миллионов человек вряд ли можно считать банальным.

– Это так с точки зрения мирового господства. Уничтожение города не настолько бы деморализовало Нас, чтобы заставить сдаться, и не так повредило бы Нам, чтобы убедить в невозможности победить. Это была бы именно та война, угрожающая самому существованию нашей планеты, которой обе стороны так долго и так успешно избегали. И все, чего бы Они добились, – это заставили бы Нас воевать, лишив одного города. Этого недостаточно!

– Что же вы предполагаете? – спросил Джеффрис холодно. – Что у Них нет десяти роботов в нашей стране? Что нет бомбы ТП, которая взорвется, когда они соберутся вместе?

– Я согласен, что это существует, но для каких-то более

серьезных целей, чем урон от бомбардировки в середине зимы.

– Например?

– Возможно, физическое уничтожение, которое произойдет, если роботы соберутся вместе, не самое худшее, что может случиться с Нами. Как насчет морального и интеллектуального уничтожения в результате того, что они просто находятся здесь? Не могу не воздать должного уважения агенту Брекенриджу, но что если Они как раз и стремились к тому, чтобы Мы узнали о роботах; что если в Их планы и не входит, чтобы роботы когда-нибудь собрались вместе? Они так и будут существовать порознь, но у Нас при этом будет повод для беспокойства.

– Зачем?

– Скажите мне вот что. Какие меры уже приняты против роботов? Я полагаю, служба безопасности уже изучает личные дела всех тех, кто когда-либо пересекал границу или находился от нее достаточно близко, чтобы быть похищенным. Я знаю, поскольку Макалистер упомянул об этом вчера, что они отслеживают подозрительные психиатрические случаи. Что еще?

Джефрис сказал:

– Маленькие рентгеновские аппараты установлены в наиболее посещаемых местах больших городов, в концертных залах, например...

– Там, где десять роботов могут незаметно смешаться с

сотнями тысяч зрителей, на футбольном матче или игре в воздушное поло?

– Конечно.

– В концертных залах и церквях?

– Мы должны с чего-то начать. Невозможно сделать все сразу.

– Особенно если надо избежать паники, – заметил Линн. – Разве не так? Никто не заинтересован в том, чтобы люди напряженно ждали: в какой-то день какой-то город внезапно перестанет существовать.

– Я полагаю, это очевидно, К чему вы клоните?

Линн сказал горячо:

– Все возрастающая часть наших национальных усилий будет полностью отвлечена на то, что Эмберли назвал поиском очень маленькой иголки в очень большом стоге сена. Мы будем, как сумасшедшие, ловить свой собственный хвост, а Они тем временем достигнут такого уровня в научных исследованиях, что Мы уже никогда не сможем Их догнать. Вот тогда Нам не останется ничего другого, как сдаться без всякой надежды на реванш.

Предположим далее, что произойдет утечка информации, так как все больше и больше людей будут втянуты в наши контрмеры и все больше и больше людей начнут догадываться, чем мы заняты. Что тогда? Паника может нанести нам больший вред, чем любая бомба ТП.

Помощник президента спросил раздраженно:

– Ради всего святого, что вы в таком случае предлагаете предпринять?

– Ничего, – ответил Линн. – Перехитрить Их. Жить, как жили, рискнуть, надеясь, что Они не посмеют разрушить мировой паритет ради испытания одной бомбы.

– Невозможно! – отрезал Джефрис, – Абсолютно невозможно. Я несу слишком большую ответственность за наше общее благополучие, и единственное, чего я не могу себе позволить, – это ничего не делать. Может быть, я согласен с вами, рентгеновские аппараты на спортивных аренах – поверхностная мера, которая не принесет результата, но это необходимо сделать, чтобы впоследствии люди не пришли к горькому выводу, что мы пренебрегли интересами нашей страны ради красивых логических построений, которые позволили нам ничего не делать. Наш контргамбит должен быть активным.

– Каким образом?

Помощник президента Джефрис посмотрел на Брекенриджа. Юный офицер безопасности, до сих пор спокойно молчавший, сказал:

– Нет смысла говорить о будущем нарушении равновесия, когда оно уже нарушено, И не имеет значения, взорвутся ли роботы или нет. Может быть, вы правы и они действительно только приманка, чтобы отвлечь Нас. Но факт остается фактом: Мы на четверть века отстали в Роботехнике, и это может оказаться роковым. Какие достижения Роботехники, имею-

щиеся у Них в запасе, будут применены, если начнутся военные действия? Царственным ответом может быть привлечение всей Нашей мощи, сейчас же, к ускоренной программе развития Роботехники, а первая задача – найти гуманоидов. Вы можете назвать это как вам нравится – то ли упражнением по Роботехнике, то ли предотвращением смерти пятнадцати миллионов мужчин, женщин и детей.

Линн беспомощно покачал головой:

– Вы не можете понять. Вы играете Им на руку. Они хотят заманить Нас в тупик, чтобы получить свободу продвигаться в других направлениях.

Джефрис сказал нетерпеливо:

– Это ваша догадка. Брекенридж передал свое предложение по каналам правительственной связи, оно одобрено, и мы начнем со Всеобщей научной конференции.

– Всеобщей?

Брекенридж пояснил:

– Мы внесли в список всех известных ученых из всех отраслей естественных наук. Они все приедут в Шайенн. Предстоит обсудить только один вопрос: как продвинуться вперед в Роботехнике, и конкретно – как сконструировать принимающее устройство для электромагнитных полей коры головного мозга, которое будет достаточно чувствительным, чтобы отличить органический человеческий мозг от позитронов мозга робота.

– Мы надеялись, что вы охотно возьметесь за проведение

конференции, – сказал Джефрис.

– Со мной никто об этом не консультировался.

– Вы же понимаете, сэр, времени было мало. Вы согласитесь ее провести?

По лицу Линна скользнула улыбка, снова возник вопрос об ответственности. Всем должно быть ясно, что ответственность лежит, на Линне, как главе исследований по Роботехнике. У него возникло чувство, что на самом деле проводить эту конференцию будет Брекенридж. Но что он мог поделать?

И он сказал:

– Я согласен.

Брекенридж и Линн вместе вернулись в Шайенн, где в тот же вечер Ласло угрюмо и недоверчиво выслушал рассказ Линна о том, что им предстояло.

Ласло сообщил:

– Пока вы были в отъезде, шеф, я провел пять экспериментальных моделей гуманоидного типа через тестирование. Наши люди работают в три смены двадцать четыре часа в сутки, Если нам придется проводить конференцию, эта канцелярщина пойдет а ущерб делу. Работа остановится.

– Это ведь временно, – заметил Брекенридж. – Вы приобретете больше, чем потеряете.

Ласло поморщился:

– Стада астрофизиков и геохимиков абсолютно ни в чем

не помогут Роботехникам.

– Взгляд специалиста со стороны может оказаться полезным.

– Вы уверены? Откуда вы знаете, что вообще существует способ улавливания волн, которые посылает мозг, и что, даже если это возможно, есть способ отличить человека от робота по волновой модели? Кто вообще выдвинул этот проект?

– Я, – сказал Брекенридж.

– Вы? Вы Роботехник?

Юный агент безопасности спокойно ответила:

– Я изучал Роботехнику.

– Это не одно и то же.

– У меня был доступ к текстам, касающимся русской Роботехники, – на русском языке. Материалы высшей степени секретности, намного опережающие то, что вы имеете здесь.

Линн произнес уныло:

– Мы у него на крючке, Ласло.

– На основе их материалов, – продолжал Брекенридж, – я и предложил именно это направление исследований. С уверенностью можем сказать, что простой перенос электромагнитных характеристик человеческого мозга на позитронную основу не даст точного дубликата. Прежде всего, самый сложный позитронный мозг, если он настолько мал, что умещается в человеческом черепе, в сотни раз менее сложен, чем мозг человека. Следовательно, он не может усвоить

все нюансы, и должен существовать способ воспользоваться этим обстоятельством.

Казалось, на Ласло слова Брекенриджа произвели впечатление вопреки его воле. Линн мрачно улыбнулся. Легко было возмущаться Брекенриджем и предстоящим нашествием нескольких сотен ученых, которые не являются специалистами в Роботехнике, но сама постановка проблемы была интересной. Этим, по крайней мере, можно было утешаться.

Понимание пришло к нему постепенно. Линн, которому ничего другого не оставалось, сидел в своем кабинете в бездействии, поскольку его исполнительная власть стала чистой фикцией. Может быть, это и помогло. У него появилось время для раздумий, и он представил себе, как все что-то значащие ученые западного полушария соберутся в Шайенне.

Брекенридж с холодной эффективностью занимался подготовкой конференции. В его тоне сквозила уверенность в себе, когда он сказал Линну:

– Давайте объединимся, и мы победим Их.

Давайте объединимся.

Линну удалось сохранить спокойствие, и если бы даже кто-нибудь наблюдал за ним в эту минуту, он мог бы заметить только, как Линн дважды моргнул, – ничего больше.

Он принял все необходимые меры с неожиданной отрешенностью, и это помогло ему сохранить спокойствие, хотя он чувствовал, что, по всем правилам, должен сойти с ума. Он разыскал Брекенриджа в его импровизированном каби-

нете. Брекенридж сидел один и, увидев Линна, нахмурился:

– Что-то не так, сэр?

Линн ответил устало:

– Я думаю, все в порядке. Я ввел военное положение.

– Что?!

– Как руководитель Бюро, я могу это сделать, если, по моему мнению, ситуация этого требует. В моем отделе я, таким образом, могу быть диктатором. Это расплата за прелести децентрализации.

– Вы немедленно отмените этот приказ, – Брекенридж шагнул к нему. – Когда Вашингтон узнает об этом, вам конец.

– Мне все равно конец. Вы думаете, что я не понимаю, что мне уготована роль величайшего злодея в американской истории: я человек, который позволил Им нарушить паритет. Мне нечего терять, но может быть, я еще выиграю. – Он засмеялся, но смех его был невеселым, – Какой отличной мишенью будет Бюро Роботехники, а, Брекенридж? Всего несколько тысяч людей надо убить бомбой ТП, которая способна уничтожить триста квадратных миль за одну микросекунду, но из них пятьсот человек – наши величайшие ученые. Нам пришлось бы выбирать: вести войну, будучи лишеными мозга нации, или сдаться. Думаю, Мы сдались бы.

– Но это невозможно. Линн, вы слышите меня? Вы понимаете? Как могут роботы пройти проверку службой безопасности? Как они могут объединиться?

– Но они уже объединяются! Мы помогаем им это сделать. Мы приказываем им это сделать. Наши ученые посещают Их конференции, Брекенридж. Они посещают их регулярно. Все, кроме Роботехников. Вы сами обратили внимание на эту странность. Ну, а десять американских ученых до сих пор там, а вместо них десять роботов сейчас едут в Шайенн.

– Это просто смешно.

– Думаю, это правильное предположение, Брекенридж. Но план бы не удался, если бы мы не знали, что роботы находятся в Америке, и не решили собрать всех виднейших ученых на конференцию. Удивительное совпадение: именно вы привозите новости о роботах, и предлагаете провести конференцию, и составляете повестку дня, и все организовываете, и точно знаете, какие ученые приглашены. Вы уверены, что те десять включены в список приглашенных?

– Доктор Линн! – воскликнул Брекенридж возмущенно. Он вскочил, готовый броситься на Линна.

Линн произнес:

– Не двигайтесь. У меня бластер. Мы просто подождем, пока ученые придут один за другим. Одного за другим мы подвергнем их рентгеновскому исследованию. Одного за другим мы проверим их на радиоактивность. Никто из них не будет общаться с другими до окончания проверки, и если все пятьсот окажутся чисты, я отдам вам бластер и сдамся. Только мне кажется, что мы найдем десять роботов. Сиди-

тес, Брекенридж.

Они оба сели. Линн сказал:

– Подождем. Когда я устану, Ласло меня сменит. Подождем.

Профессор Мануэло Джиминес из Буэнос-Айреса взорвался, когда стратосферный реактивный самолет, на котором он летел, был на высоте трех миль над Долиной Амазонки. Это был взрыв простой взрывчатки, но его оказалось достаточно, чтобы полностью уничтожить самолет.

Доктор Герман Лейбовиц из Миннесотского Технологического института взорвался в вагоне монорельсового поезда, убив двадцать человек и ранив сто.

Точно так же доктор Огюст Морэн из института ядерной физики в Монреале и семь других умерли на разных этапах своего пути в Шайенн.

Ласло влетел, бледный и заикающийся, с первым из этих сообщений. Прошло всего два часа с того момента, как Линн задержал Брекенриджа, держа в руке бластер.

Ласло признался:

– Я думал, что вы спятили, шеф, но вы были правы. Они были роботами. Они должны были ими быть. – Он повернулся и ненавидящими глазами посмотрел на Брекенриджа. – Только их предупредили. Он предупредил их, и теперь не останется ни одного целого. Ни одного для изучения.

– О боже! – воскликнул Линн в бешенстве, направил бластер на Брекенриджа и выстрелил. У офицера безопасности исчезла шея; туловище опало; голова отлетела, глухо ударилась об пол и покатилась по дуге.

Линн простонал:

– Что я наделал! Я же думал, он просто предатель. Не более того.

А Ласло стоял неподвижно, с открытым ртом, лишившись на минуту способности говорить. Линн хрипло проговорил:

– Конечно, он предупредил их. Но как он мог это сделать, сидя здесь в кресле, если в него не был вмонтирован радиопередатчик? Не понимаешь? Брекенридж был в Москве. Настоящий Брекенридж до сих пор там. О боже, их было одиннадцать.

Ласло наконец удалось пробормотать:

– А почему он сам не взорвался?

– Я полагаю, ждал подтверждения, что остальные получили его сигнал и самоуничтожились. Когда ты пришел с новостями и я понял, что прав, я чуть не опоздал выстрелить. Бог знает, на какую долю секунды я его опередил.

Ласло сказал потрясенно:

– Зато теперь у нас есть гуманоидный робот для изучения. – Он наклонился и дотронулся кончиками пальцев до липкой жидкости, вытекающей из остатков шеи, которыми заканчивалось обезглавленное тело.

Это было высококачественное машинное масло.